

И. А. Дмитрик

УКРАИНИЗАЦИЯ ДОНБАССА В 1923–1938 гг.: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Изучение процесса украинизации включает выявление отношения к данной проблеме как руководителей разного уровня, так и населения. Два фактора изначально осложняли восприятие провозглашенного в 1923 г. курса: во-первых, Донбасс – многонациональный регион со значительной долей русскоязычного населения, во-вторых, индустриальный центр, в котором развитие национальной культуры или национально-кадровый вопрос не являлись приоритетными задачами. На партийных и профсоюзных заседаниях, на страницах местных газет и журналов велись настоящие дебаты.

Для изучения общественного мнения по этому вопросу были использованы информационные возможности трех групп источников:

1) местные документы, которые хранятся в Государственном архиве Донецкой области;

2) дела Центрального государственного архива общественных объединений Украины (в фонд ЦК КПУ попадали жалобы и обвинения);

3) материалы региональной периодики (газета «Диктатура труда», «Приазовский пролетарий», журнал «Просвещение Донбасса»). Преимуществом прессы является наличие не только официальных хроник, но и информации, характеризующей бытовое отношение населения к тем или иным реформам. Кроме того, страницы периодики часто использовали для открытой полемики.

В целом, существовало три оценки политики украинизации в Донбассе: негативная, безразличная и положительная.

Негативная реакция на украинизацию Донбасса

Традиционные аргументы в пользу искусственности проводимых реформ звучали так:

1) в селах просят говорить по-русски, т. к. плохо понимают украинский литературный язык. Отсюда – предложение: если и прово-

доть украинизацию, то начинать с деревни¹ (на собрании партячейки строительного цеха Сталинского завода);

2) «Зачем нам украинизация, если в Донбассе 80 % населения – русские?»

Разновидности этого вопроса доходили до тотального отрицания проживания украинцев в Донбассе.

Так, член партии из ячейки железнодорожников выступил с заявлением: «В Донбассе украинцев нет, есть рабочий класс, пришлый, украинизация здесь совершенно лишнее дело». Следующий докладчик продолжил эту мысль: «Украинский рабочий – это дурачок, за него революцию сделали русские рабочие»². По этой логике украинцев в регионе либо вообще не было, либо они были настолько незнательными, что не стоило для них создавать проекты, которые могли осложнить положение других национальностей.

Поскольку данный аргумент использовался противниками украинизации в дебатах на всех уровнях, остановимся на нем подробнее. Одним из вариантов упомянутого довода было убеждение в том, что немногочисленные представители украинского этноса Восточной Украины – это либо крестьяне, проживавшие в отдаленных от промышленных центров селах, либо рабочие-сезонники, которые вскоре вернутся к своим семьям. В таком случае проводить с ними мероприятия, направленные на изучение и развитие украинского языка и культуры, силами профсоюзов – занятие бесполезное, а заниматься украинизацией остальной части работников предприятий – бессмысленное.

Подобные представления не просто были ошибочными, но оказывали негативное влияние на психологическое восприятие политики. Миф о том, что население Донбасса на 70 или 80 % состояло из русских, так часто повторяли на официальных собраниях и на бытовом уровне, что многие, включая руководителей, были уверены в истинности данного факта. Поэтому в пылу полемики, проводившейся партийными и профсоюзными организациями, проявлялась крайне эмоциональная реакция участников, которые недоумевали по поводу, как им казалось, искусственной украинизации русского населения.

В действительности доля русского населения в регионе была весомой, но не тотальной, как считали многие современники событий. С научной точки зрения в 20–30-х гг. XX столетия появились новые тенденции изменений в национальном составе жителей этой территории. Как отмечает исследовательница О. В. Обыденова, в межвоенный период Донецкий край стал центром наиболее активной в

¹ Диктатура труда. 25 марта 1927.

² ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 79.

Украине миграции населения, традиционный наплыв безработных из России, Беларуси, Татарстана и других мест перекрывался прибытием в города украинских крестьян, что обусловило увеличение доли коренного населения в Донбассе до 64–65 %.

С началом индустриализации численность украинцев начала уменьшаться (до 61 %), а доля русского населения увеличилась с 26 до 32 %³ в связи с организованными кампаниями по набору рабочей силы. Но сама идея того, что украинцы могли быть национальным меньшинством в Донбассе, не выдерживает критики.

Почему в таком случае должностные лица и простые обыватели так уверенно повторяли этот миф? Потому что расселение представителей разных национальностей на территории Донбасса имело неравномерный характер. Именно в промышленных центрах наблюдалась концентрация представителей русского этноса.

Вернемся к аргументам противников новой национальной политики в Донбассе. Следующее возражение демонстрирует, скорее, отсутствие желания и возможности заниматься дополнительной («лишней») работой, чем идеологический протест. Указывали на неэффективность проводившихся мероприятий из-за пренебрежения принципами последовательности и системности решения поставленных задач. Поскольку не была проведена подготовительная работа – наивно было ожидать результатов. Приводили примеры: «С тех пор, как “Коммунист” стали публиковать на украинском языке, подписка сократилась»⁴. Прежде чем переводить газеты и журналы на украинский язык, следовало научить население читать на этом языке. Открывались курсы, но уровень их организации и анализ деятельности снова наталкивали на мысль о том, что общее проведение украинизации является несвоевременным⁵. К такому выводу приходили из-за отсутствия литературы на некоторых курсах; проблем с оплатой труда лектора; нерегулярного посещения курсов чиновниками и т. д.

Однако не все противники украинизации сдержанно констатировали недостатки в воплощении национальной политики на местах. Во время дебатов в профсоюзах звучали экстравагантные предложения, выражавшие крайнюю степень раздражения. На пленуме Сталинского районного комитета ВСРМ докладчику по вопросу украинизации из зала поступила записка с текстом: «А раз это невозможно, то прекратите бузить, ибо это все равно впустую»⁶.

³ Обидьорова О. В. Національні меншини Донбасу в 20–30-ті роки XX століття: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2000.

⁴ ГАДО. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 206. Л. 123.

⁵ Там же. Л. 122 об.

⁶ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 354. Л. 20 об.

Отдельно следует отметить позицию технической интеллигенции, представители которой организовывали и руководили производственными процессами на шахтах и заводах Донбасса. Очень болезненно реагировали специалисты-инженеры. В редакцию газеты «Луганская Правда» поступило письмо горного инженера, заведующего техническим бюро под заголовком «Лучше убежать, чем украинизироваться». Главной идеей была жалоба на то, что украинизация мешает техническим работникам выполнять свои должностные обязанности, и они готовы бежать на шахты Российской республики⁷.

Рабочий класс по-разному проявлял свое отношение к способам решения национального вопроса. Иногда трудящиеся предпочитали действовать, а не высказываться. Когда в Артемовском округе вывели коллективный договор для строителей на украинском языке, рабочие забросали его грязью⁸.

Эмоционально выражается и автор жалобы «Мысли об украинизации совсем не для печати от рабочего Луганска (партийного)». Он называет кампанию новым испытанием, не таким тяжелым, как гражданская война или голод, но скучным, мешающим людям отдыхать после работы. Свои предложения проводить украинизацию постепенно и осторожно, начинать с младшего поколения, составить план не менее чем на 25 лет, автор завершает громким призывом: «Ну, и давайте попробуем, спросим народ, скажем: даёшь плебисцит!»⁹

Обратимся к другим сферам реализации национальной политики. Выясняя отношение детей, учителей и родителей к процессу украинизации школьного образования, используем материалы журнала «Просвещение Донбасса» – органа сначала Донецкого губернского отдела народного образования (1922–1925 гг.), с 1925 г. – губкома КП(б)У и губернского отдела народного образования.

Данные по Мариупольскому округу¹⁰ за 1924 г. свидетельствуют о том, что дети легко переходили на украинский язык обучения, а диапазон реакции взрослых включал как решения сельских собраний в поддержку украинизации, так и акции протеста. Последние чаще происходили в крупных и зажиточных селах, где преобладали «старые» имперские стереотипы: «русский-то язык барский, с ним скорее в люди выйдешь», а «наш украинский язык – холопский». Т. е. некоторые крестьяне в решении вопроса о языке преподавания исходили из принципа карьеризма.

⁷ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 81.

⁸ Там же. Л. 106.

⁹ Там же. Д. 2253. Л. 92.

¹⁰ Просвещение Донбасса. 1924. № 4.

Преподавательский состав учебных заведений детально анализировал все «за» и «против», поскольку украинизация становилась частью его профессиональной деятельности. Естественно, обнаружив промахи и сознательные правонарушения в ее проведении, педагоги указывали на них.

В архиве сохранилось письмо учительницы из г. Славянска редактору газеты «Кочегарка», в котором, кроме отчаянного выступления против вовлечения в процесс детей и взрослых, описывались факты преступной деятельности некоторых должностных лиц. В частности, «настоящие украинцы» (имеются в виду преподаватели украинского языка, прибывшие в Донбасс из Киевщины и Полтавщины) обвинялись в получении нетрудовых доходов за счет процедуры экзаменов (на основе количества ошибок, допущенных во время перевода текста, человеку присваивали категорию, с которой он имел или лишался права занимать определенную должность). Возник коррупционный механизм: служащий брал 6–7 уроков у преподавателя, который входил в состав экзаменационной комиссии, по 3–4 руб. за занятие, а потом с его помощью сдавал экзамен и получал 1-ю категорию без глубокого знания предмета¹¹.

Рассмотренные примеры демонстрируют разные причины и способы выражения несогласия с официальным курсом национальной политики. Одних возмущали ошибки, допускаемые государственной властью в этой области, другие не намеревались разбираться в преимуществах и недостатках реформ, изначально были против них. Противники украинизации участвовали во всевозможных дискуссиях, выражали свою точку зрения на бытовом уровне, писали письма и жалобы в редакции газет.

Безразличное отношение к национальной политике

Эта реакция была обусловлена не столько четкой собственной позицией, сколько приспособленчеством.

В октябре 1926 г. для служащих рудоуправления, рудкома и рабкома шахты № 30 Рутченковского рудника были открыты курсы украинского языка. Начальство всех перечисленных организаций, мотивировав занятостью, вскоре прекратило посещать занятия. «Не появляется руководство – и менее влиятельные заведующие и управленцы считают, что им можно не ходить. Это существенно замедляет темп украинизации»¹². Пример добровольно-принудительного уча-

¹¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 123.

¹² Диктатура труда. 14 апреля 1927.

ствия определенной части населения в осуществлении национальной политики не был исключительным, и, естественно, к результатам не приводил.

В других случаях люди, которые были внутренне согласны с новым курсом, предпочитали не ввязываться в споры и не проявлять своего отношения из-за неблагоприятной атмосферы, царившей в регионе. Звучали робкие предложения: «необходимо, чтобы товарищи, которые не украинизируются, перестали смотреть с презрением на тех, кто принимает участие в украинизации»¹³.

Иногда безразличное отношение было вызвано непониманием содержания национальной политики или отдельных ее составляющих. Так, при обсуждении докладов на заседании комиссии Политбюро по украинизации в анекдотичной форме прозвучал рассказ об ответственном работнике партии, который определял национальность крестьян Артемовского округа крайне странным способом. Он считал, что если человек пьет много чая – он русский, а если мало – то украинец¹⁴.

Такой сотрудник не только не справлялся с поставленными задачами, но и вносил путаницу в сознание крестьян. Делал это не умышленно, причем сам удивлялся, что люди с украинскими фамилиями говорят на русском языке.

Как правило, за равнодушным отношением к украинизации в Донбассе скрывалось приспособленчество, боязнь осуждения или низкий уровень образования.

Положительное отношение к украинизации

Следует рассмотреть аргументы сторонников коренизации в регионе. В ответ на отрицательные возгласы оппонентов они не менее эмоционально призывали приложить максимум усилий для решения национального вопроса. На заседании пленума Красногвардейского рудничного комитета 9 сентября 1926 г. прозвучало достаточно жесткое высказывание: «Вопрос стоит остро: или украинизироваться, или выезжать в Орловскую губернию»¹⁵. Позиция была мотивирована тем, что «наша промышленность находится в окружении украинского населения, и, в первую очередь, перед союзом горняков ставится вопрос об украинизации»¹⁶.

¹³ ГАДО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 354. Л. 20.

¹⁴ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 100.

¹⁵ ГАДО. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 206. Л. 122.

¹⁶ Там же.

Кроме «революционных» лозунгов на заседании были озвучены интересные факты. Было предложено не допускать уклонов, которые проявились в других организациях: технических работников, знающих украинский язык, переманивали из одного учреждения в другое с целью улучшения статистики выполнения партийных решений. Справедливо резюмировали, что это не украинизация, а самообман¹⁷.

Среди мероприятий, которые должны были способствовать изучению украинской культуры, чаще упоминались следующие:

- в процессе выдвижения кадров ориентироваться на украинцев, особенно в случае перевыборов профсоюзных ячеек;
- в клубах открыть драматические кружки, практиковать украиноязычные представления, семейные вечера;
- не принимать на работу служащих, не владеющих украинским языком¹⁸.

На традиционный довод оппонентов о том, что украинская культура – сельская, а крестьяне обладают низким уровнем грамотности, поэтому не стоит проводить работу в рамках коренизации, нашелся ответ: «Русские крестьяне тоже не говорят на литературном языке. Повседневная речь крестьянина ограничена 500 словами, поэтому, как и русскому крестьянину, украинцу необходимо учиться, чтобы понимать украинский литературный язык»¹⁹.

Наиболее весомым считалось мнение «титованного класса» – пролетариата, поэтому обе спорящие стороны старались к нему апеллировать. Чтобы выяснить позицию рабочего класса, рабочие корреспонденты проводили домашние индивидуальные беседы, например, с трудящимися завода им. А. Рыкова и рудника им. К. Маркса. Определяли точку зрения металлургов и горняков на украинизацию, задавали вопросы: нужны ли им кружки украиноведения, понимают ли они украинский язык, нравятся ли им постановки украинского театра? Беседы такого рода были проведены с 84 рабочими, большая часть которых высказалась за украинизацию.

На основании обследования можно сделать вывод о том, что база для вовлечения рабочих Донбасса в пространство украинской культуры все-таки была, причем ею интересовались не только этнические украинцы.

Однако не все сообщения о влиянии на рабочий класс официальной политики были такими умиротворенными. Рабочий корреспондент Буденовского рудника был чрезвычайно обеспокоен тем фактом, что из-за отсутствия внимания у них не только не было до-

¹⁷ Там же. Л. 122 об.

¹⁸ Там же. Л. 123.

¹⁹ Там же. Л. 122 об.

стижений в решении национального вопроса, напротив, происходила активная русификация рабочих-украинцев. «В клубах отсутствуют кружки украиноведения, в библиотеках нет украинской литературы, очень редко создаются драматические кружки. Украинцы, попадая в такую на 100 % русскую обстановку, через год или два забывают родной язык»²⁰.

Сторонники украинизации Донбасса, как и противники, использовали разные формы выражения своей позиции: участие в дискуссиях, резкие заявления, заметки в газетах. Собственно, от оппонентов они отличались лишь противоположной оценкой событий.

Полемика партийных функционеров Донбасса на страницах газеты «Диктатура труда»

Серьезное обсуждение адаптированной к местным условиям ко-ренизации и ее последствий началось с публикации заведующего орготделом Сталинского райпарткома Г. Афонина «Украинизацию нужно проводить в меру»²¹. В статье отражено конфликтное восприятие политики правительства. Автор выступил против:

- украинизации делопроизводства городского совета, милиции и других учреждений (аргументировал тем, что население города и промышленных окраин на 80 % русское);
- постановления об обязательной публикации объявлений и афиш на двух языках, т. к. это ведет к лишним тратам;
- общей украинизации школ округа;
- украинских субтитров к кинолентам, т. к. подавляющее большинство зрителей в промышленных районах – русские.

В заключение Г. Афонин подчеркнул, что украинизацию следует проводить в меру, учитывая национальный состав отдельных населенных пунктов (особенно крупных), «чтобы наша национальная политика не шла вразрез с интересами большинства жителей»²², превращаясь в сверхукраинизацию, что можно расценивать как уклон.

Публикация вызвала широкий резонанс, первым ее критиком стал секретарь Сталинского окружного комитета КП(б)У К. Моисеенко. В статье «Об “украинизации” и “украинизаторах” в меру»²³ он опроверг все замечания предыдущего автора, назвав их примером непонимания линии партии. Так, на выпад по поводу кинокартин читатели получили такой ответ: «Субтитры на украинском – это мощ-

²⁰ Диктатура труда. 28 апреля 1927.

²¹ Там же. 17 февраля 1927.

²² Там же.

²³ Там же. 23 февраля 1927.

ный рычаг, с помощью которого прививаются знания языка широким массам вообще и рабочим в частности»²⁴. Партийный функционер уверенно отстаивал необходимость украинизации региона. Признавая сложность задачи и наличие уже допущенных ошибок, К. Моисеенко категорически отрицал обособленность интересов населения промышленных районов, протестовал против меры Г. Афонина, т. к. считал, что она не сдвинет с места реформу.

Вскоре на второй странице газеты появилась статья Земляненко «Еще об украинизации»²⁵. В ней указывалось, что в Сталинском округе речи не могло быть о сверхукраинизации, уместнее было использовать приставку недо. Автор предлагал активно работать над решением национального вопроса: обслуживать рабочих-украинцев на родном языке, добиваться украинизации актива промышленной части округа и села.

Интересный факт: после выхода последней статьи была опубликована выписка из протокола заседания Бюро Сталинского райпаркома, которая засвидетельствовала отмежевание этой организации от личных взглядов Г. Афонина.

Зачинщику бурной дискуссии пришлось прокомментировать критические отзывы. Читатели ознакомились с аргументами защиты в статье «Об украинизации»²⁶. Афонин пытался нивелировать обвинения в желании ликвидировать любые проявления украинизации, продолжал указывать на перегибы, преждевременные мероприятия в городе, которые «получают неодобрительный отклик большинства населения»²⁷. Автор считал, что следует дождаться добровольной заинтересованности жителей региона, не торопиться осуществлять национальную политику в Донбассе.

Вывод

Общественное мнение по поводу целесообразности украинизации Донбасса было неоднородным, настроения различных социальных групп – противоречивыми.

Приверженцы противоположных концепций национально-культурного развития региона позволяли себе радикальные высказывания, отказываясь слышать друг друга, искать компромисс. В результате появлялись жалобы и тайные письма, адресованные редакциям газет или органам власти, которые, как правило, не были

²⁴ Там же. 23 февраля 1927.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. 27 марта 1927.

²⁷ Там же.

опубликованы и сохранились в архивах. Анализ этих документов позволяет утверждать, что жесткие официальные требования в сжатые сроки украинизировать учреждения Донбасса, как и фанатичное отрицание всей кампании, не приводили к значимым результатам.

С другой стороны, сторонники и противники политики в равной степени участвовали в дебатах, опираясь на постановления правительства и линию партии. Более того, в качестве трибуны для означения наибольшего количества граждан с определенной позицией активно использовали страницы местной прессы («Диктатура труда», «Просвещение Донбасса» и др.). Интересно, что политически грамотный гражданин мог как отстоять право на сопротивление украинизации в связи со специфическими условиями региона, так и обвинить окружающих в русотияпстве. Ораторы, занимавшие диаметрально противоположные позиции, завершали свои выступления приблизительно одинаково: «необходимо решительно пресекать как российский, так и украинский шовинизм».

Несомненно, общественное мнение по поводу социально-значимых проектов правительства является одним из залогов успешности его реализации. В межвоенный период в Донбассе существовала потребность в формировании массового положительного отношения к украинизации без использования рычагов административного давления и форсированных темпов. Эта задача по разным причинам не была полностью решена в 20–30-е гг. XX в., поэтому требует доработки в современных условиях.